

Проявившийся еще в предвоенную и военную пору живой интерес к славянским календарным обрядам как к цельному и замкнутому циклу (книги М. Гавацци и М. Арнаудова)¹, возрастая в послевоенный период, привел в наше время к весьма ощутимым и значительным научным результатам.

В 1963 г. В. Я. Пропп предложил вниманию фольклористов и этнографов свой концептивный, во многих отношениях спорный, но тем не менее цельный и программный труд о русских календарных обрядах и праздниках². 10 лет тому назад словенский этнограф Н. Курет завершил издание фундаментального четырехтомного труда о праздничном годовом цикле у словенцев³.

Коллектив московской части Ин-та этнографии порадовал нас тремя томами монографии о календарной обрядности зарубежных европейских стран⁴. И если труд Н. Курета содержит подробный анализ и достаточно полную картину годичного обрядового цикла одного сравнительно небольшого славянского народа, занимающего пограничное положение с романским и германским этносами, то московский коллективный трехтомник дает читателю довольно ясное представление о месте западно- и южнославянской обрядности в европейском календарном обрядовом конгломерате. Отсутствие в трехтомнике восточнославянского материала, равно как и материала балтийского и значительной части финно-угорского, несколько нарушает цельность и полноту календарно-обрядовой «панорамы» европейского континента. Но, видимо, Восточная Европа столь богата разнообразными видами архаической обрядово-календарной структуры, четко распределенными географически, что она заслуживает отдельного, самого внимательного рассмотрения.

Начало такого разыскания было положено известным, общепризнанным трудом В. И. Чичерова о русских зимних календарных обрядах⁵. Критика в свое время не успела достойно оценить новаторскую для 50-х годов книгу, целью которой было «выяснение национальных форм обрядового фольклора восточных славян», ведущего к «более ясному осознанию места и роли обряда и обрядовой поэзии в истории культуры и быта каждого народа в отдельности»⁶.

В. К. Соколова в принципе ставит и разрешает ту же задачу, обращая при этом серьезное внимание на неравномерность развития, а затем и распада, отрицания весенне-летних обрядов в разных ареалах восточнославянского этнического континуума. Она пишет: «...аграрные обряды и праздники русских, украинцев и белорусов донесли до XIX в. разнообразные остатки древних культов и действий, восходящих еще к первобытной магии. Но обрядность в целом, естественно, находилась в сильно измененном, разрушенном состоянии, многое было утрачено или переосмыслено по-новому. Разная степень сохранности обрядов и разные комбинации их элементов создали разнообразные национальные и локальные варианты. Задача настоящего исследования была показать, какие конкретные формы приняли в XIX в. календарные обряды у русских, украинцев и белорусов, что и в каком виде сохранилось от них к XX в.» (с. 267).

Для решения такой задачи была в первую очередь существенна проблема источников, их надежности, полноты и новизны. Следует признать, что в отличие от В. И. Чичерова, базирующего свою монографию почти исключительно на дореволюционной литературе и лишь в отдельных, редких случаях, на собственных полевых записях, и В. Я. Проппа, предпочитавшего почти всегда строить свои концепции на довольно ограниченном круге печатных материалов, В. К. Соколова изучила, использовала и привела очень обильный, новый для науки архивный и полевой материал, значение которого трудно переоценить. Автором широко используются фонды архивов разных городов: ленинградские (Тенишевский в ГМЭ, Географического общества, Пушкинского дома и др.), московские (МГУ, Института этнографии), киевские, минские, горьковские, казанские и др. Рукописный материал сочетается с опубликованным. Среди публикаций, общее число которых превышает 200, много редких (например, исследование Е. Н. Елеон-

¹ М. Gavazzi. Godina dana hrvatskih narodnih običaja. knj. I. Od poklada do jeseni, knj. II. Oko Božića. Zagreb, 1939; М. Арнаудов. Български народни празници. Обичаи, варявания, песни и забави през цялата година. София, 1943.

² В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963.

³ Н. Kuret. Praznično leto Slovencev. Starosvetne šege in navade od pomladi do zime. Celje, del 1, Pomlad — 1965; del 2, Poletje — 1967; del 3, Jesen — 1970; del 4, Zima — 1970. Появлению труда Н. Курета в Словении предшествовало издание двух очень ценных книг В. Медерндорфера: V. Möderndorfer. Verovanja, uvere i običaji Slovencev II. Prazniki. Celje 1948, V; его же. Borba za pridobivanje vsakdanjega kruha. Celje, 1946.

⁴ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX — начало XX в.: «Зимние праздники». М., 1973; «Весенние праздники». М., 1977; «Летне-осенние праздники». М., 1978.

⁵ В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. Очерки по истории народных верований.— «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. XL. М., 1957.

⁶ В. И. Чичеров. Указ. раб., с. 234.

ской о сельскохозяйственной магии, Н. Добрынина о проводах русалки и др.). Таким образом, в распоряжении читателя и будущего исследователя оказалась значительная сумма новых фактов, позволяющих иначе взглянуть на многие прежние научные построения.

В. К. Соколова разделила свое исследование на пять глав по принципу временной последовательности обрядов: провода зимы и встреча весны, подготовка к весенним полевым работам, первый выгон скота — Егорьев день, конец весны — начало лета, праздник летнего солнцеворота. В годовой отрезок от конца февраля-марта и до начала июля по новому стилю включаются следующие передвижные и неподвижные праздники и праздничные дни: масленица (масляная неделя), «жаворонки» (обычно 9/III ст. ст.), сродопостье («хрестцы»), вербное воскресенье, чистый четверг, пасха, радуница, «выюницы» (окликанье молодых), троица («зеленые святки»), «провода русалок» (провода весны), Иван Купала (24/VI ст. ст.), Петров день (29/VI ст. ст.). Языческая основа большинства этих праздников простирается у восточных славян четко и ярко.

Достаточно полно и колоритно описывает В. К. Соколова масленицу (с. 11—67), обряд не только деревенский, но и городской, общенародный, со множеством ярких локальных особенностей и деталей, свойственных исключительно русским, так как у украинцев и белорусов, так же как и у южных и западных славян, масляничные (сыропустные) обряды выражены меньшим числом обрядовых действий, проходят не так широко и бурно. Однако основа, как справедливо отмечается в книге, в обряде одна — общеславянская. В ней с полным основанием выделяется момент огня-костра, сожжения соломенного чучела-куклы, иногда и разбрасывания его по полю, равно как и не повсеместный, но весьма устойчивый мотив (ритуал) поминовения усопших («кормление родителей» блинами и т. п.). Впрочем, эти особенности, свойственные и колядной (рождественской) и пасхальной, отчасти купальской и даже в некоторых славянских зонах, юрьевской обрядности, могут быть признаны существенными, стержневыми для крупнейших «опорных» праздников всего годового цикла. По сути дела, масленицу можно было бы считать зимним праздничным периодом, близким к святкам, порой, завершающей зимний праздничный цикл («сыропустная седмица», т. е. масляная неделя, может быть и в самом начале февраля по ст. ст.), подобно тому как воздвижение завершает летний цикл, но это — вопрос особого рода, вопрос славянских народных представлений о делении года на сезоны и в данном случае он не принципиален. В. И. Чичеров не включил масленицу в зимний цикл, и было естественно продолжить его исследование, начиная с масленицы.

Немалую ценность имеет изобилующее новыми фактами описание украинского обряда «Колодки», исполнявшегося на масляной неделе, при этом для общеславянских штудий особый интерес представляет локальный (черниговский) ритуал «рождения и похорон Колодки», известный еще по записям П. П. Чубинского (XIX в.).

Новые, хорошо систематизированные факты излагаются в связи с брянскими «сороками» — пирожками-шариками, пекущимися в день 40 мучеников (9/III ст. ст.), или с бросанием в воду пирога в ту же пору, в связи с костромским и нижегородским «средокрестным» хлебным печением и ритуалом обливания ребятишек водой и т. п.

В. К. Соколова справедливо видит связь этих действий с южнославянскими «додолами» и «пеперудами», т. е. ритуальными обходами дворов, ряженьем и танцами для вызывания дождя. Напоминают южнославянские (сербские) обряды угощения градовой тучи в сочельник и русские (владимирские, московские, тверские, новгородские, калужские) обычаи в «чистый» (великий) четверг «кормить мороз киселем» (в Полесье это происходит зимой в рождественско-новогодние праздники). Почти все эти ритуалы сопровождаются закличками-песенками, прекрасными образцами малых фольклорных жанров, до сих пор, к сожалению, плохо собранных и мало изученных.

Среди неподвижных крестьянских праздников рассматриваемого периода выделяются у восточных славян Егорьев день и Иван Купала (в церковном календаре они особо не примечательны). В связи с Егорьевым днем в книге приведено много новых свидетельств (в том числе и любопытные факты, собранные недавно Г. Г. Шаповаловой) о битье скота вербой при первом выгоне, о скотоводческом и аграрном характере этого праздника. Аргументированно отводится попытка некоторых исследователей отождествить св. Георгия с Ярилой и отмечается связь егорьевских ритуалов с пасхальными. Можно было бы добавить, что в Полесье (на севере Украины и юго-востоке Белоруссии) ощущается тесная связь егорьевских и купальских обрядов. Она еще ярче выражена у сербов и болгар. По купальскому обряду приведены ценные новые факты из Орловской, Воронежской и Саратовской областей об обливании друг друга водой «для дождя», о совместном купании парней и девушек, из Новгородской области — о прыгании через крапиву и т. д. С украинско-белорусской территории, где купальский обряд сохранился довольно полно, новых свидетельств мало. К сожалению, материалы полеских этнолингвистических экспедиций, ведущихся под моим руководством, только начинают обрабатываться и публиковаться, и потому они оказались неизвестны автору.

Говоря о связях отдельных календарных обрядов, следует учитывать различные виды и характер этих связей. В. К. Соколова не без основания обращает преимущественное внимание на повторяемость отдельных «элементов целостного обрядового комплекса», или ритуалов, актов в различных календарных обрядах, в разные праздничные дни, что считал существенным для структуры годового праздничного цикла и В. Я. Пропп. Такая повторяемость может быть реальной — наличествующей в одной локаль-

ной системе (например, повторяемость «элементов» огня, соломы, гаданий и т. п. в сочельник и в канун Ивана Купалы) — и может быть «иллюзорной» или относительной, т. е. фиксирующейся в разных системах и потому обнаруживающейся лишь при сравнении (например, одни и те же ритуальные действия, выполняемые в одних местах на благовещение, в других — в чистый четверг, в третьих — в Юрьев день, действия очистительные, предохранительные и т. п.).

Участникам полесских экспедиций последних лет приходилось наблюдать немало интересных фактов различного распределения элементов комплекса обрядовых действий в календарном времени в зависимости от территории, от разных этноязыковых диалектов. Так, если в районе Дрогичина в западном Полесье (с. Спорово и др.) в канун Ивана Купалы используется почти вся сумма, почти весь комплекс традиционных обрядовых действий⁷, то в восточном Полесье на Мозырщине (с. Кочище и др.) число ритуалов, исполняемых на Купалу, минимально и нет даже характерного для этого дня ритуального огня, зато почти все они, в том числе и зажигание костра, выполняются в разные праздничные дни от Юрьева дня до Петрова. Возникает вопрос: какая ситуация старше, исконнее — «дроги́чинская» или «мозы́рская»? Учитывая, что обе они являются результатом видоизменения древнего состояния, и принимая во внимание типологические показатели календарных праздников у славян (и индоевропейцев) в целом, следует все же склониться к первичности «мозы́рской» модели. Темпорально рассеянное или темпорально распределенное соотношение отдельных календарных актов сменялось во многих зонах типом обряда со значительной временной концентрацией ритуалов. По сути дела, видимо, эти ритуальные акты первоначально даже не были календарными, приуроченными к определенному дню и времени суток, а были окказиональными, т. е. исполнялись по случаю, по надобности. Лишь постепенно они стали прикрепляться к конкретным календарным датам, а затем «узловые» дни, «узловые» праздники стали их, подобно магниту, притягивать к себе, и таким образом постепенно стала устанавливаться довольно сложная календарная обрядность с отдельными большими («узловыми») праздниками и праздничными периодами. Так, вероятно, если рисовать картину самым грубым общими чертами, происходило в древней славянской народной — «языческой» практике. Иначе, как известно, складывалась традиция «книжная» — церковная. В христианстве сначала возникали отдельные «большие» праздники, а потом их обрядность начала распространяться на все двенадцатые и иные праздники. Работа по такой реконструкции и по истории становления и развития «языческой» календарной славянской (и индоевропейской) системы еще не проделана, но многие исследования, в том числе и рецензируемая книга, свидетельствуют о том, что мы находимся уже на подступах к такой реконструкции.

В заключительной части книги среди прочих выводов отмечается: «Много обрядов очистительного характера было отнесено к „чистому“ четвергу (омывание, окуливание, перешагивание через огонь и др.), а *средоточием* (курсив наш.— Н. Т.) обрядов, выполнявшихся с целью предохранить скот, стал Егорьев день (в некоторых местах, особенно в Сибири и севернорусских областях, подобные действия со скотом выполнялись в „чистый“ четверг)» (с. 262, 263). Здесь мысль о сосредоточении отдельных ритуалов в определенный день (период) вокруг одного обрядового ядра или центра выражена довольно ясно. Правда, в том же заключении и в разных главах книги В. К. Соколова говорит о переносе ритуалов из одного обряда в другой, о повторении их в разных обрядах в течение года, о зависимости их сроков от климатических условий и зон, о неравномерности распределения архаических обрядовых элементов в восточнославянском макроареале, о локальных особенностях обрядов восточных славян. Все эти факторы также существуют, и все они взаимодействуют. Для определения их взаимодействия и установления некоторой иерархии факторов, иерархии достаточно четкой и научно аргументированной, важны сбор и привлечение нового материала, как восточнославянского, так и южно- и западнославянского. Большую роль в этом деле могут сыграть атласы духовной культуры — региональные, национальные и межнациональные. Естественно, что такие атласы могут создаваться лишь по заранее разработанным программам.

Многие рецензии по обыкновению заканчиваются разбором или перечислением недостатков, упущений и погрешностей. Нам не хотелось бы следовать этому «обычаю», почти всегда снижающему общий тон диалога с автором рецензируемой работы, требующего позиции назидательности или выставления оценок. В некоторых случаях это необходимо, но книга В. К. Соколовой к таковым не относится. Существеннее поэтому сказать несколько слов о перспективах дальнейшего исследования календарных обрядов, которые нам раскрывает труд, им посвященный. Изучение славянской календарной обрядности целесообразно вести в двух направлениях: а) описание и анализ отдельных «крупных» обрядов (Купала, Егорьев день, Семик и др.) монографическим путем с учетом разных типов обряда, их ареалов и картографирование локальных разновидностей⁸; б) описание и анализ элементов и структуры всего годового цикла по

⁷ С. М. Толстая. Материалы к описанию полесского купальского обряда.— Славянский и балканский фольклор. М., 1978, с. 131—142.

⁸ В качестве примера таких исследований можно привести книгу о Юрьевом дне у хорватов, написанную в традиции загребской школы проф. Милована Гавашчи: V. Huzjak. Zeleni Juraj. Zagreb, 1957. Существует и снятый загребским Институтом народного искусства этнографический документальный фильм «Zeleni Juraj» (Зеленый Юрий) по сценарию Зорицы Райкович. Снимки производились в Билоторе.

парадигматическим и синтагматическим отношениям, т. е. по элементам и по связи этих элементов. Крайне интересными при этом окажутся изоморфность годового календарного цикла и суточного цикла с их делением на части по переходным («опасным») временным рубежам с противопоставлением дня и ночи, лета и зимы и т. п. Существенно в будущем обратить серьезное внимание на связь окказиональных обрядов с календарными, а календарных — с семейными, на типы обрядовых текстов (вербальных и невербальных) и на их связь с текстами необрядовыми. Для решения всех этих проблем понадобится новый материал, который, как показывает практика, может быть собран, но важно, чтобы он собирался интенсивно и планомерно. Это ставит перед этнографами, фольклористами и лингвистами ряд практических задач, и в первую очередь задачу составления подробных вопросников для сбора полевого материала.

Книга В. К. Соколовой еще раз показала: новый материал не столько подтверждает прежние, старые выводы, сколько ставит новые проблемы исследования.

Н. И. Толстой

С. С. Агаширинова. Материальная культура лезгин. XIX — начало XX в. М., 1978, 304 с.

При оценке любого исследования по проблемам этнографии народов Кавказа необходимо учитывать особенности этого региона, который отличается характерным для него сочетанием некоторых пережиточных явлений с высоким уровнем общественно-экономического, культурного и политического развития, что объясняется способностью некоторых традиций приспособиться к новой для них естественно-исторической среде. Этим можно объяснить и ту решающую роль, которую сыграл этнографический материал по Кавказу в теоретических построениях М. М. Ковалевского, М. О. Косвена и др., внесших весомый вклад не только в кавказоведение, но и в разработку проблем общей этнографии. Со временем, однако, в использовании материала о пережитках для исследования проблем исторической этнографии проявились тенденции к абсолютизации пережитков и архаизации современности. Получила широкое распространение «теория» нескончаемого родового строя на Кавказе, направившая исследование социальной организации народов Кавказа в неверное русло и заведшая его в тупик. Затем в качестве антитезы этой тенденции родилось крайне скептическое отношение к источниковедческому значению данных о пережитках и даже полное отрицание их бытования в современности, включая сюда и сферу социальных отношений. Вряд ли имеет смысл сейчас доказывать, насколько подобная установка в научном отношении несостоятельна, а в общественном вредна.

В процессе преодоления ошибок, связанных с этими крайними позициями, кавказский этнографический материал, в первую очередь по Сванетии снова сыграл решающую роль. Начиная примерно с 1960-х годов понятие «род» по отношению к этнографической ситуации на Кавказе XIX в. было заменено понятием «патронимия», а «семейная община» — «большая семья». Это имело, конечно, не только терминологическое значение, а означало серьезный и принципиальный сдвиг в развитии кавказоведения, порвавшего с «родовой» теорией и ставшего на путь критического переосмысления наследства дореволюционной кавказоведческой литературы.

Рецензируемая монография С. С. Агашириновой «Материальная культура лезгин, XIX — начало XX в.» по научной ценности материалов и значимости выводов отражает современный этап развития кавказоведческой этнографии, проливает новый свет на важнейшие стороны культуры и быта лезгин, содержит богатую информацию по вопросам культурно-исторических связей между народами горного Кавказа, а также по общей этнографии. Исследование состоит из «Введения», содержащего краткий обзор литературы, вопросы и определяющего цели и задачи работы и, шести основных глав, в которых последовательно рассмотрены хозяйственный быт, домашняя промышленность и ремесленное производство, поселения и семейно-общественные отношения, типы жилища, одежда, украшения и пища. Книга завершается «Заключением», в котором сделаны основные выводы из исследования.

В части, касающейся хозяйства, автор дает краткую характеристику земледелия и скотоводства, особо останавливаясь на вопросе об удельном весе каждой из этих отраслей хозяйственной деятельности лезгин. Автор считает, что вначале ведущая роль принадлежала земледелию и только потом перешла к скотоводству.

Интересны данные, касающиеся форм землевладения — вопроса еще недостаточно изученного для этого региона. Сжато охарактеризованы типы сельскохозяйственных орудий и формы организации труда. Не забыты и подробно описаны особенности лезгинского народного календаря, отражающего занятия населения как земледелием, так и скотоводством. Описаны некоторые сельскохозяйственные обряды; приведены материалы о формах отходничества и извозного промысла, игравшего немаловажную роль в хозяйстве лезгин.

В следующей, значительной по объему главе подробно описаны домашние промыслы, удельный вес которых в хозяйственной деятельности лезгин и уровень развития были достаточно высоки.